

постулаты, новая власть фактически начинает по сути). Со временем данная тенденция привела к построению единого централизованного государства (федеративного по названию и унитарного практически в дореволюционных границах).

**Библиографический список**

1. Барихин, А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь / А. Б. Барихин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Книж. мир, 2008.
2. Берлизов, А. Е. Дорога чести : избр. произведения / А. Е. Берлизов. – Краснодар : Совет. Кубань, 1995. – 544 с.
3. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2000.
4. Вишневецкий, А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневецкий. – М. : ОГИ, 1998. – 432 с.
5. Гафаров, В. Независимость Азербайджана в контексте геointересов Российской и Османской империй / В. Гафаров // Кавказ & глобализация. – 2009. – Том 3. – Вып. 2–3.
6. Деникин, А. И. Очерки русской смуты : в 5 т. / А. И. Деникин. – М., 1991. – Т. 2 : Борьба генерала Корнилова (август 1917 г. – апрель 1918 г.). – 378 с.
7. Деникин, А. И. Очерки русской смуты : в 5 т. / А. И. Деникин. – М., 1991. – Т. 5 : Вооруженные силы юга России.
8. Иванов, А. А. Последние защитники монархии: фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) / А. А. Иванов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 206 с.
9. Кирьянов, Ю. И. Правые партии в России, 1911–1917 / Ю. И. Кирьянов. – М. : Рос. полит. энцикл., 2001. – 464 с.
10. Кэмпбелл, Е. И. «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия [Электронный ресурс] / Е. И. Кэмпбелл. – Режим доступа: [http://window.edu/window\\_catalog](http://window.edu/window_catalog) (дата обращения: 18.11.2013).
11. Мациевский, Г. О. Традиции «самостийности» в политической жизни современного российского казачества / Г. О. Мациевский // Вестн. Том. гос. педагог. ун-та = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. – 2012. – № 3. – С. 57–63.
12. Меньшиков, М. О. Могильщикам России. 27 февраля 1914 г. / М. О. Меньшиков // Письма к русской нации. – М., 2005.
13. Милоков, П. Н. Воспоминания / П. Н. Милоков. – М. : Изд-во полит. лит., 1991. – 527 с.
14. Речь. – 1914. – 12 (25) янв. – № 11.
15. Речь. – 1914. – 20 февр. (15 марта). – № 49.
16. Речь. – 1914. – 23 февр. (8 марта). – № 52.
17. Суляк, С. Русинский и украинский вопросы накануне Первой мировой войны / С. Суляк // Русин. – 2009. – № 2. – С. 96–119.
18. Юссилла, О. Политическая история Финляндии / О. Юссилла, С. Хентилиа, Ю. Невакиви. – М. : Весь мир, 2010. – 477 с.

УДК 340.12

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК КАТАЛИЗАТОР  
КРАХА РЕЖИМА ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ**  
**The First World War as Collapse Catalyst  
of Dual Monarchy Regime in Russia**

**А. А. Фоменков** – доцент кафедры теории политики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат исторических наук

**A. A. Fomenkov** – Associate Professor of the Politics Theory Department of Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University, Candidate of History Sciences



*Аннотация.* Статья посвящена специфике формы правления в России в 1906–1917 гг. Выявлены причины краха режима дуалистической монархии в феврале 1917 г.

*The article is devoted to the specific features of the form of government in Russia in the years 1906–1917. The causes of the Dual Monarchy regime collapse in February 1917 have been revealed.*

**Ключевые слова:** *Российская империя, дуалистическая монархия, Государственная дума, Конституция.*

*Russian Empire, dual monarchy, State Duma, Constitution.*

В отечественной науке господствует мнение, согласно которому государственная реформа 1905–1907 гг. преобразовала традиционный самодержавный строй России в дуалистическую монархию, в которой император осуществлял законодательную власть не единолично, как раньше, а вместе с представительными палатами (Государственным советом и Государственной думой) [6, с. 167]. Основными элементами той реформы традиционно считаются следующие нормативно-правовые акты: указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», указ от 24 ноября 1905 г. «О временных правилах о повременных изданиях», «Временные правила об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. [1, с. 120]. Венцом этого стало утверждение Основных государственных законов 23 апреля 1906 г.

Конституционализм (пусть и непоследовательный) Основных законов проявился в ограничении законодательных прерогатив монарха и наделении последними представительных учреждений: «Никакой закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора». При этом отказ от неограниченности монаршей власти представлялся актом добровольного самоограничения именно неограниченного в своем праве самодержца [2, с. 26].

Представители либеральной общественности придерживались мнения, согласно которому Основные законы – это Конституция, и монарх теперь ею ограничен. Отчасти данное обстоятельство объяснимо тем, что в России начала XX в. представители оппозиционной интеллигенции придавали термину «Конституция» широкое значение и подразумевали под ней, прежде всего, парламентаризм [4, с. 70]. Консерваторы же доказывали, что самодержавная власть осталась прежней, а император не может быть ограничен Основными законами, которые сам издал [6, с. 169].

На практике «высвобождение из-под авторитарного режима» (по А. Пшеворскому) в России начала XX в. приобрело вялотекущую форму. Реформаторам из правящей элиты не удалось нейтрализовать сторонников твердой линии, особенно учитывая, что среди них был и сам император, а умеренной оппозиции – поставить под контроль радикалов. Политическую систему дуалистической монархии следует рассматривать как компромисс, временное решение в условиях относительного равновесия сил противоборствовавших сторон» [2, с. 30]. В результате тенденция формирования демократического политического режима в Российской империи вступала в очевидное противоречие с политикой имперского правительства в национальном вопросе, которая фактически сводилась к усилению унитарных начал и осуществлялась репрессивными методами без учета реальной общественно-политической конъюнктуры [1, с. 120–121].

Действительность быстро показала современникам, что полноценной Конституции и конституционного монарха в Российской империи не появилось. Поэтому стали даже прибегать к новому, весьма нелепому словосочетанию «конституционное самодержавие». Эта формула явилась плодом буржуазной публицистики и связывалась с окружением графа С. Ю. Витте. Смысл термина был таков: основы российской Конституции заложены, теперь остается только расширять их на практике и укреплять конституционным путем, через Государственную думу [5, с. 56].

Тем не менее новые реалии политической жизни включали в себя *полисубъектность политического процесса*, заменявшую властную моносубъектность; *человека политического*, включенного в систему политических отношений не только в качестве их объекта, но и субъекта; *выборное народное представительство*; *механизм принятия решений*, в рамках которого Государственному совету и Государственной думе были предоставлены законодательные полномочия,

а также вводилась практика согласования действий правительства с отдельными парламентскими фракциями и группами (популярным среди министров в период деятельности Государственной думы третьего и четвертого созывов стало выражение «сговориться») [3, с. 70].

Естественно, рождение в России феномена человека политического и формирование нового типа публичного политика, призванного представлять и проводить интересы человека политического, для дальнейшего своего развития требовали укрепления и расширения институциональных форм участия населения в политическом процессе, подключения к нему аутсайдерских социальных групп, усвоения ценностей политической культуры гражданского типа. Для этого, конечно, необходимо было время, может быть, те двадцать лет спокойной работы, о которых мечтал П. А. Столыпин. Но этого времени не было, над миром дамокловым мечом нависала тень грядущей великой войны. Не было и последовательности в деятельности правительственной власти по укоренению основ конституционного устройства. Между тем человек политический не может удовлетвориться только наделом на полити-

ческом поле, который согласен предоставить ему правящий класс [3, с. 77].

Именно эти трудности в превращении России из самодержавной монархии в нечто качественно новое и обострились в годы Первой мировой войны. Последняя, по сути, выступила катализатором процесса борьбы человека политического за реализацию своих прав. В самом деле качественной разницы в партийном составе между Государственной думой III и IV созывов не имелось, а Государственный совет вообще населением не избирался ни до 1 августа 1914 г., ни тем более после. Однако III Государственная дума вошла в историю как оплот монархии, в то время как IV явила миру феномен «прогрессивного блока». Эти обстоятельства, по нашему мнению, наглядно иллюстрируют следующее обстоятельство: введение в стране режима дуалистической монархии было шагом запоздалым как минимум на несколько десятилетий. Судя по всему, такого рода реформы уместно было провести еще при Александре II, то есть одновременно с отменой рабства в США, а также преобразованиями Мэйдзи в Японии и завершающей стадией реформ Танзимата в Турции.

#### **Библиографический список**

1. Балан, В. П. Особенности формы Российского государства в межреволюционный период (1907–1917) / В. П. Балан // Вестн. Воронеж. ин-та ФСИН России. – 2012. – № 1. – С. 119–121.
2. Кирьянов, И. К. «Русский транзит» начала XX века: к истории измененного маршрута / И. К. Кирьянов // Управлен. консультирование. – 2006. – № 1. – С. 17–30.
3. Кирьянов, И. К. Homo politicus и публичный политик в России начала XX в. / И. К. Кирьянов // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : История России. – 2004. – № 3. – С. 70–78.
4. Куликов, С. В. Парламент без парламентаризма: Государственная дума в царской России (1906–1917 гг.) / С. В. Куликов // Ленинград. юрид. журн. – 2005. – № 3. – С. 69–88.
5. [Реферат] / К. Ф. Загоруйко. // Соц. и гуманитар. науки. Отеч. и зарубеж. лит. : рефератив. журн. Сер. 4 : Гос-во и право. – 1998. – № 4. – С. 53–57. – Реф. на кн.: Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX в. / Ин-т гос-ва и права Рос. акад. наук ; отв. ред. Е. А. Скрипелев. – М. : Наука, 1997. – 366 с.
6. Софьин, Д. Консерваторы и власть в новых политических реалиях: представления российских консерваторов об императорской власти / Д. Софьин // Власть. – 2012. – № 9. – С. 167–171.